

Введение в теорию: мультиперспективность и историческое мышление

Почему мы хотим работать со свидетелями?

Презентация для воркшопа Lost in Transition, 16.9.2021

Введение

Какова моя цель? Я хочу установить связь между тремя терминами, упомянутыми в названии моего выступления, а именно между терминами "историческое мышление", "мультиперспективность" и "свидетели", выдвинув два аргумента. (i) Как только вы начинаете практиковать историческое мышление, становится очевидным, что прошлое можно и даже нужно рассматривать из разных перспектив, с разных точек зрения. (ii) Работа со свидетелями, то есть изучение устной истории, может стать прекрасным инструментом для достижения мультиперспективности, но только при одном важнейшем и часто упускаемом из виду условии. Мы должны сделать не что иное, как отказаться от мысли, что свидетели могут поведать нам единственно правильную истину, которая, вероятно, была искажена официальной историей. Пока мы будем цепляться за эту мысль, мы не сможем раскрыть истинный потенциал, заключенный в устных историях и рассказах свидетелей. Устная история является таким ценным ресурсом как раз потому, что открывает нам доступ к различным возможным перспективам видения прошлого.

Чтобы глубже понять эти два аргумента, а также чтобы продемонстрировать, какое значение это имеет для вашей текущей работы со свидетелями в классе, сегодня я хочу поработать с вами в двух разных форматах.

Вначале я прочитаю вам лекцию продолжительностью около 30 минут, в ходе которой я постараюсь объяснить, что такое историческое мышление, как в него укладывается мультиперспективность и как мы можем работать с устной историей в классе. Извините, что вначале мне приходится так много говорить, но мне очень важно, чтобы у нас было общее понимание некоторых теоретических концепций. В то же время я буду стремиться к максимальной наглядности и сопровождать теоретические концепции конкретными рекомендациями для практической работы в классе. Примеры, которые я буду приводить, привязаны к вопросам, тесно связанным с нашей общей темой — переходным периодом.

Во второй части воркшопа я предложу вам разделить на небольшие группы и применить на практике полученные знания, проведя анализ отрывка из устного интервью со свидетелем: мы рассмотрим отрывок из биографического интервью с учителем истории из Литвы, которое моя коллега провела в 2009 году в рамках исследовательского проекта, в котором мы изучали, как люди вспоминают о советской эпохе и переходном периоде.

А. Лекция: Историческое мышление, мультиперспективность и устная история

Чтобы по-настоящему понять, что такое историческое мышление и почему оно не работает без мультиперспективности, нам необходимо освоить некоторые эпистемологические основы.

I. Эпистемологические особенности исторического знания

I.1. Различие между историей и прошлым

Все начинается с того, что история — несколько специфическая дисциплина. История в виде рассказов о прошлом и история в виде самого этого прошлого — две принципиально разные вещи. Истории, которые мы рассказываем о прошлом, возникают в постоянно меняющемся настоящем и неизбежно подвергаются влиянию интересов, насущных вопросов и дискурсов настоящего. С другой стороны, прошлое, к которому обращаются эти истории, по определению прошло — его нельзя воссоздать, чтобы проверить правдоподобность историй, рассказываемых о нем.

Это отличает историю как науку, например, от биологии как науки. Биологи всегда могут проверить правдивость своих утверждений, изучив объекты, о которых идет речь. История по определению лишена такой возможности. Таким образом, истории, которые историки рассказывают о прошлом, никогда не могут претендовать на то, чтобы представлять собой единственно возможную истину. Это абсолютно фундаментальная позиция. Однако, поскольку слово "история" во многих языках имеет два значения, подразумевая и рассказы о прошлом, и само прошлое, мы часто склонны забывать об этом. В то же время, осознание того, что прошлое и история — это две разные вещи, чрезвычайно продуктивно. Оно напрямую приводит нас к следующим тезисам, согласно которым рассказы о прошлом всегда (2) частичны, (3) избирательны и (4) перспективны.

1.2. История частична

Почему все истории являются частичными? По той простой причине, что прошедшая реальность, как и любая другая реальность, настолько многогранна и многообразна, что мы никогда не сможем охватить её одним рассказом. Ещё раз подчеркнем, что многообразие и многогранность — это характеристика, которую прошлое разделяет с настоящим. Возможно, вы лучше поймете эту мысль с помощью небольшого мыслительного эксперимента.

Представьте, что вам дали задание рассказать кому-то о своем вчерашнем дне. Помните, что вам поручено не упустить ни одной детали: ни мыслей, которые могли возникнуть у вас во время чистки зубов, ни ассоциаций, которые возникли у вас при вечернем просмотре телевизора. Я уверена, что очень скоро вы капитулируете перед этим заданием, выполнение которого займет бесконечное количество времени.

Кроме того, вы, вероятно, понимаете, что мы постоянно делаем выбор, когда рассказываем о своих воспоминаниях, даже если речь идет о довольно простых и личных вещах. Чаще всего, даже не осознавая этого, мы отделяем то, что считаем достаточно значимым для того, чтобы поделиться этим с другими, от того, что кажется неважным и не заслуживающим упоминания. Мы делаем это под влиянием мощных шаблонов и сопутствующих им критериев отбора. Это те самые шаблоны, согласно которым мы привыкли считать, что, например, даты поступления в школу, окончания учебы, женитьбы и так далее, как правило, важны и требуют упоминания, когда мы рассказываем о себе. В то же время мы можем руководствоваться различными критериями значимости в зависимости от того, с кем мы разговариваем, от степени близости, характеризующей наши взаимоотношения с собеседниками, от сочувствия и понимания, которые мы ожидаем получить от него, или просто от знаний, которыми они, как нам кажется, заведомо располагают.

Проиллюстрируем это с помощью вымышленного, но, вероятно, реалистичного примера: Учительница из современной Литвы, вспоминая о переходном периоде и хаосе в начале 1990-х годов, в беседе со своими учениками по случаю национального праздника независимости может, например, рассказать о радостных днях национального возрождения и многочисленных демонстрациях в поддержку независимости, в которых она принимала участие. В разговоре со своей лучшей подругой она может упомянуть совершенно другие моменты, такие как стремительный рост инфляции, резкий рост цен на газ и отопление и т. д.

Историкам, пишущим о прошлом, приходится принимать аналогичные решения о том, что считать релевантным, а что нет. При ближайшем рассмотрении оказывается, что перед ними

стоят еще более серьезные вызовы. Им приходится не только самостоятельно принимать решения, но и полагаться на источники, на архивные документы и досье, которые были составлены другими людьми согласно их собственным критериям релевантности.

Кроме того, источники, к которым они имеют доступ, как правило, составляют лишь малую долю всех документов, которые когда-то существовали, но теперь утрачены. Таким образом, истории, рассказываемые историками, являются неполными как минимум по двум причинам: (i) потому что источники, которыми располагают историки, проливают свет на некоторые аспекты, оставляя другие в тени, и (ii) потому что они видят только то, что стремятся увидеть, то есть то, что они отметили для себя как релевантное.

1.3. История избирательна

Объясняя, почему история всегда частична, я в некоторой мере уже затронула вопрос о том, почему история избирательна. Главным образом, я утверждала, что источники, равно как и историки, всегда выбирают те части прошлого, на которые они хотят пролить свет, исходя из своих критериев релевантности. Позвольте мне проиллюстрировать это еще одним примером.

Как я уже говорила, избирательность начинается с постановки вопросов, поскольку именно вопросы направляют наше внимание на определенные аспекты многообразной реальности прошлого. В эпоху холодной войны, на которую пришлось мое детство и юношество, вопрос о том, какая система лучше, капиталистическая или социалистическая, считался чрезвычайно релевантным. Но, отвечая на этот вопрос, нам опять же приходится быть избирательными. Необходимо решить, какими критериями следует руководствоваться при оценке эффективности соперничающих друг с другом общественных строев, и уточнить, какие социалистические и капиталистические общества вы намерены сравнивать, чтобы прийти к ответу.

В западногерманской школе, где мне преподавали историю, эти вопросы были практически незаметны. Как если бы это было безальтернативно, мы сравнивали Западную и Восточную Германию, при этом обычно делая акцент на экономических показателях — от производительности труда до количества автомобилей и холодильников на душу населения. В результате мы неизбежно приходили к выводу, что капиталистический Запад бесспорно и с огромным отрывом опережает социалистический Восток. Имея веские основания для такого отбора как результат изначально заданного направления мышления, мы были уверены в абсолютной правильности нашего вывода.

Однако мы могли бы с легкостью увидеть избирательность той истории, в которую верили, если бы противопоставили ей умозаключения, основанные на других критериях или на других сравнениях. Так, мы могли бы сравнить, например, Гаити и Кубу. Как и у двух Германий, у этих двух стран есть много общего. Обе расположены в Карибском бассейне, обе прошли через колониализм и рабство, у обеих в экономике доминировали огромные плантации. В то же время, как и обе Германии, обе приняли принципиально разные решения в отношении своего общественного развития. Если Гаити стала капиталистической страной под сильным американским влиянием, то Куба оказалась в социалистическом лагере во главе с СССР.

Глядя на эти страны сегодня, нельзя не признать, что социалистическая Куба во многих отношениях живет гораздо лучше, чем капиталистическое Гаити.

- Средняя продолжительность жизни на Кубе - 78 лет, что намного выше, чем на Гаити, где она составляет 64 года.
- Если на Кубе почти все умеют читать и писать и уровень грамотности достигает 99,9%, то на Гаити этот показатель — чуть выше 61%.
- Даже экономические показатели весьма однозначны. Доход на душу населения на Кубе более чем в 6 раз выше, чем на Гаити; уровень безработицы составляет 3,8 % — менее четверти от 16,8 % на Гаити.

Суть именно в этом: два различных сравнения, которые мы можем провести между Западной и Восточной Германией или между Гаити и Кубой, приводят нас к двум различным выводам об эффективности капитализма и социализма. И хотя в обоих случаях эти выводы основаны на убедительных доказательствах, оба они весьма избирательны, оба отражают одни аспекты прошлых реальностей, грубо искажая восприятие других. К сожалению, мы часто сталкиваемся с историческими или политическими оценками, основанными на узких критериях отбора и узких диапазонах сравнения.

1.4. История — это перспектива

На данном этапе мы также близки к пониманию того, почему история всегда занимает определенную перспективу. Фактически здесь подразумеваются две схожие, однако не идентичные вещи.

С одной стороны, источники, например, могут открыть нам только те сведения о прошлых реальностях, которые были доступны и наблюдаемы для автора этих конкретных источников. Приведу пример: читая дневник или воспоминания обычных людей о переходном периоде, вы

можете рассчитывать на то, что узнаете что-то об общей атмосфере, преобладавшей в обществе в то время. Однако вы не можете рассчитывать, что узнаете что-либо определенное о глубинных причинах распада СССР, просто потому, что эти люди были не в том положении, чтобы знать подробности происходящего за кулисами. Таким образом, ограниченность знаний, на которые могут претендовать люди в качестве авторов источников, в качестве историков или очевидцев, делает историю перспективной.

С другой стороны, каждый, кто говорит или пишет о прошлом, делает это под влиянием определенных дискурсов. Соответственно, человек смотрит на прошлое с точки зрения определенных ценностей или критериев релевантности, поддерживаемых этими дискурсами. Еще раз приведу несколько примеров: человек, находящийся под сильным влиянием либеральных взглядов, вероятно, расскажет историю переходного периода как историю о победе свободы и демократии над репрессивными и авторитарными диктатурами, которые в конечном итоге были обречены на провал. Другой человек, являющийся критичным наблюдателем множества текущих кризисов в капиталистических странах, может представить ту же историю перехода как историю о всемирном распространении неолиберализма и крахе всех форм режимов благосостояния, включая реально существующий социализм, но не ограничиваясь им.

Однако иногда решающую роль играют не только различия в политических взглядах или ценностных ориентациях, но и различия в опыте. Это относится, например, к Ольге и Элине, двум моим подругам, которые по веским причинам рассказывают довольно разные личные истории о переходном периоде.

Ольга, родившаяся в России в 1960 году, испытала крах государственного социализма как историю личного освобождения. В брежневские годы она, которая всегда очень любила литературу и историю, решила все же изучать физику, поскольку понимала, каким бесконечно скучным и занудным будет изучение такого идеологизированного предмета, как история, при позднем социализме. Неудивительно, что она восприняла смену системы как возможность начать заниматься тем, что ей действительно интересно. Она эмигрировала в Канаду, изучала социологию и в настоящее время преподает в университете Торонто.

Элина, родившаяся в 1985 году в Кыргызстане, имела совершенно другой опыт. В начале 1990-х годов ее матери пришлось оставить работу научного сотрудника в Бишкекском университете, так как с такой низкооплачиваемой работой уже невозможно было прокормить семью. Она

начала заниматься мелкой торговлей с постоянными поездками из Кыргызстана в Китай и Россию. Ее семилетняя дочь Элина должна была заботиться о младших детях, готовить и убирать за ними, а также заботиться и об отце, который, как и многие другие, стал алкоголиком в то тяжелое время. Что еще хуже, во время своих редких визитов домой мать не находила другого способа справиться с угрызениями совести за то, что оставила детей одних, кроме как набрасываться на старшую дочь, регулярно избивая ее. По понятным причинам у Элины остались довольно мрачные воспоминания о 1990-х годах.

Хочу вкратце подытожить свой тезис: не только различия в политических взглядах или социальных положениях, но и различия в опыте заставляют людей по-разному смотреть на прошлое. Чтобы еще раз поставить этот тезис в контекст общей дискуссии о природе исторического знания: все эти рассказы, какими бы разными они ни были, могут быть в равной степени основаны на фактах. И, тем не менее, они могут создавать довольно противоречивые картины, каждая из которых отражает лишь один частичный и выборочный аспект прошлых реальностей с одной определенной точки зрения, то есть на фоне определенного опыта или под влиянием определенных ценностей или политических взглядов, которые диктуют нам решение о том, что именно является релевантным, а что нет.

II. Внедрение мультиперспективности

На этом этапе вы, наверное, уже предвидите мой следующий аргумент о важности мультиперспективности. Если мы серьезно относимся к мысли, что история всегда частична, избирательна и перспективна, и если мы согласны с тем, что школы в демократических обществах должны воздерживаться от индоктринации учащихся, от навязывания им одной из множества возможных историй в качестве абсолютной истины, мы должны делать упор на необходимость знакомить учащихся с широким спектром различных взглядов. Таким образом, необходимо обеспечить, чтобы все позиции и взгляды, обсуждаемые и оспариваемые в обществе, рано или поздно были представлены в классе. Мультиперспективность — это, пожалуй, единственный принцип, с целесообразностью которого согласны преподаватели истории во всем мире.

По сути, с этим принципом постоянно связаны три образовательные цели.

Во-первых, мультиперспективность, конечно же, направлена на то, чтобы сделать историю более сложной и нюансированной. Знакомство с тем, насколько по-разному такие современники, как местный секретарь коммунистической партии или как диссидент,

воспринимали и переживали переходный период во многих бывших социалистических странах, определенно поможет учащимся получить более полное представление о том, что произошло в конце восьмидесятых и начале девяностых годов.

Во-вторых, мультиперспективность предполагает демократизацию истории. При правильном применении она приведет к тому, что на уроках истории будут высказываться порой совершенно противоположные взгляды как можно более широкого круга людей, а не только позиции тех, кто близок к власти и имущим, к доминирующим идеологиям или господствующим дискурсам.

В-третьих, мультиперспективность, несомненно, имеет потенциал для демонстрации и напоминания студентам об эпистемологических принципах, о которых я только что говорила. Ознакомление с различными, а порой и абсолютно противоположными историями, рассказываемыми о переходном периоде людьми с разными политическими убеждениями или расходящимися жизненными траекториями, постоянно напоминает студентам о том, что все, что остается нам от прошлого, — это выборочные, частичные рассказы, заведомо представляющие определенную перспективу.

В какой-то степени эти три цели, которые я только что отнесла к принципу мультиперспективности, соответствуют трем различным способам применения этого принципа на практике, то есть трем различным способам отбора разнообразных точек зрения на прошлое, которые вы хотели бы донести до учеников в условиях демократического преподавания истории.

Во-первых, вы можете сосредоточиться на представлении нескольких точек зрения на одно и то же историческое событие, сформулированных современниками этого события в то самое время, когда это событие происходило. Таким образом, вы будете специально искать различные источники и, возможно, даже различные виды источников, созданных в прошлом. Еще раз, чтобы исключить недоразумения, подчеркну: сейчас речь идет о рассказах, отобранных в источниках, и, следовательно, созданных в прошлом. Речь не идет о рассказах, которые могли быть донесены свидетелями, — например, в интервью устной истории, — однако намного позже. Вот какие источники я имею в виду: если речь идет о переходном периоде, то можно, например, сравнить выдержки из протокола экстренного собрания, созванного коммунистической партией в ответ на массовые протесты, с дневниковой записью человека, который действительно участвовал в этих протестах. Вероятнее всего, разные точки

зрения будут обусловлены не только разными политическими взглядами, но и разной степенью инсайдерской осведомленности.

Второй способ применения мультиперспективности исходит из обратного. Он рассматривает не различные мнения, высказанные в прошлом, а комментарии, возникшие как результат рассматриваемых исторических событий, предпочтительно в разные моменты времени, где-то между историческим прошлым, о котором мы говорим, и нашим настоящим. Хочу указать на преимущества такого подхода. Думаю, все мы помним, что комментарии, написанные о переходном периоде в самом начале 1990-х годов, были в целом гораздо более восторженными, чем гораздо более пессимистичные суждения, которые мы слышим сегодня. 30 лет назад многие наблюдатели все еще были практически убеждены в том, что третья волна демократии стала моментом освобождения, способным принести свободу и процветание каждому. После финансового кризиса 2008 года, после успехов на выборах популистских партий по всему миру и после того, как рассуждения о конце Запада в последние годы стали звучать все чаще, на смену первоначальным надеждам пришли цинизм и разочарование. Изучение различных историй, рассказанных в разные моменты времени, например, разными поколениями учебников истории, может быть одним из способов донести до понимания учащихся, какое огромное влияние постоянно меняющееся настоящее с параллельно меняющимся горизонтом ожиданий оказывает на истории, которые мы рассказываем о прошлом. Очевидно, то же самое можно достигнуть путем сравнения рассказов устной истории, появившихся в разное время. Так, например, исследования показали, что только в конце 2000-х годов простые люди в Эстонии осмелились делиться своими воспоминаниями о счастье и радости, которые они испытывали в своей частной жизни при социализме. В тени мощных общественных дискурсов, рисующих советское время исключительно как время страданий и скорби, эти воспоминания в 1990-х годах были фактически под запретом.

Третья и последняя стратегия внедрения мультиперспективности в наше обращение с прошлым заключается в том, чтобы обращать внимание на различные версии прошлого, конкурирующие друг с другом в нашем настоящем. В свете растущей плюрализации общества, когда все больше и больше акторов и все больше и больше СМИ дают свои интерпретации прошлого и борются за внимание многих разрозненных аудиторий, этот подход явно приобретает все более важное значение. По всей вероятности, люди, получающие информацию из разных источников, таких как Телеграм, видеороликов Тик-Ток или транснациональных газет, таких как The Guardian, также будут сильно расходиться во мнениях о том, как следует понимать наше прошлое. В таких условиях включение как можно большего

количества таких противоречивых точек зрения в дискуссии на уроках истории — это не только демократическая обязанность школ. Это также очень важно для того, чтобы школы могли способствовать интеграции наших все более разобщенных и поляризованных обществ, не проповедуя некий минимальный консенсус, а давая учащимся возможность понимать различные позиции разных людей как выражение различного опыта и ценностей.

III. Как работать с интервью устной истории в классе

На данном этапе, думаю, должно быть совершенно очевидно, что работа со свидетелями, с интервью устной истории, может быть чрезвычайно продуктивной, особенно когда речь идет о таких противоречивых исторических событиях, как переходный период. Напомню о трех основных преимуществах, которые учащиеся могут получить от работы с рассказами свидетелей.

Во-первых, рассказы свидетелей могут открыть нам доступ к множеству различных видов информации. Они равным образом рассказывают нам о прошлом, о котором говорит свидетель, и о настоящем, в котором происходит разговор. Мы узнаём, как видел мир свидетель тогда и сейчас. Мы получаем представление о внутреннем и внешнем мире современников: мы узнаём о мыслях и чувствах, а также о возможностях действий, которые они видели, или об ограничениях, которые они испытывали. Мы понимаем правила и рутину, которые регулировали жизнь в то время; мы вникаем в то, что считалось нормальным, и постигаем, какие надежды, желания и страхи двигали людьми.

Во-вторых, и это может быть чрезвычайно важным для преподавания переходного периода, биографические рассказы позволяют увидеть, как история повседневности и история применения власти взаимодействуют друг с другом. Проиллюстрируем это на примере: интервью могут показать нам, какой уровень конформизма люди, согласно их собственному восприятию, должны были демонстрировать в авторитарных обществах, но они также могут показать, какую неуступчивость некоторые из них способны были проявить.

В-третьих, знакомясь с историями жизни, мы не только получаем возможность узнать об опыте прошлого разных людей, но и понять, насколько по-разному они отображают этот опыт в своих воспоминаниях.

Однако, несмотря на богатство возможностей для обучения, которые предоставляют интервью устной истории, работа с ними в классе также может поставить нас перед некоторыми

трудностями. Так, например, исследования показали, что иногда учащиеся просто ошеломлены тем, насколько аутентичными кажутся им рассказы свидетелей. Особенно под влиянием "чар", исходящих от харизматичных рассказчиков, они попросту могут поддаться соблазну забыть все, чему их учили о пристрастности и избирательности истории. Они могут быть склонны воспринимать все услышанное как единственную и всеобъемлющую истину. Учителя, использующие эмоционально трогательные истории об определенном событии в качестве иллюстрации, чтобы донести определенную мысль, могут еще больше усилить возникшую таким образом неразбериху.

Указав на риски, с которыми мы можем столкнуться при изучении устной истории в классе, позвольте мне завершить эту лекцию обсуждением некоторых стратегий, которыми мы можем воспользоваться, чтобы преодолеть эти риски или научиться управлять ими.

Начну с некоторых общих соображений.

Когда речь идет о рассказах свидетелей, *учащиеся, безусловно, нуждаются в помощи преподавателей и в тщательно разработанных заданиях*, чтобы лучше понять, что свидетели способны представить лишь субъективный, избирательный и частичный взгляд на события прошлого.

Кроме того, ни в коем случае *нельзя давать учащимся лишь короткие отрывки из истории жизни*. Для успеха всего дела крайне *важно, чтобы им была представлена вся история жизни человека*. Только тогда у них есть шанс реконструировать выборы, которые сделал интервьюируемый, и обнаружить следы настоящего в рассказах о прошлом. Что касается изучения переходного периода, то учащиеся, безусловно, выигрывают от получения информации о том, как сложилась жизнь свидетелей, чьи рассказы они изучают, после переходного периода. Только в этом случае они могут понять, почему, например, история бывшего высокопоставленного функционера коммунистической партии, которому удалось сделать карьеру в посткоммунистический период, отличается от истории другого партийного "босса", который потерял всю свою власть, богатство и статус после смены режима.

При работе со свидетелями в классе я настоятельно рекомендую опираться на четыре принципа, которые Сэм Вайнбург, один из создателей концепции исторического мышления, разработал для критической работы с источниками. Он предлагает **программу из четырех этапов**:

Первый этап — *поиск источников*. Учащихся всегда нужно учить уделять надлежащее внимание тому, кто и с какими намерениями и мотивами написал тот или иной источник. Что это означает для работы со свидетелями переходного периода? Это означает, например, что нужно быть внимательным к тому факту, что интервьюируемые, по всей вероятности, хотят представить себя как морально узнаваемых личностей в категориях современных дискурсов. Например, в такой стране как Украина, бывшие члены партии, возможно, особенно часто будут подчеркивать, как дороги им всегда были украинская нация и украинский язык.

Второй этап — *контекстуализация*. Студентов необходимо научить искать информацию о конкретных обстоятельствах, в которых возник источник. Например, они могут задуматься о том, какое влияние оказывает современная политическая ситуация на выбор, который делают интервьюируемые при построении своих рассказов. Пример: все опрошенные нами в 2009 году литовские учителя говорили о трех наиболее важных вопросах, которые доминировали в общественном дискурсе того времени: антисоветские партизаны, католическая церковь и КГБ.

Третий шаг — *внимательное чтение*. Студенты должны обращать внимание не только на открытые утверждения и аргументы, но и на мелкие языковые детали, способные многое поведать нам о позиции, которую занимает автор источника. Вообще говоря, всегда полезно обращать внимание на небольшие слова, такие как "но" или "однако", потому что они показывают нам, *что* человек стремится изобразить как нечто неожиданное или нуждающееся в подробном объяснении. Но можно также задаться вопросом о том, позиционируют ли себя респонденты как активных или скорее как пассивных агентов. Или же обратите внимание на ярлыки, которые использует человек. Так, например, одна пожилая учительница истории из Литвы, у которой мы брали интервью, попеременно называла своего отца, который, очевидно, был депортирован в Сибирь в советское время, то бандитом, то партизаном. Сам этот выбор слов демонстрирует, что она постоянно колеблется между старым советским дискурсом, в котором она выросла и в котором ее отец изображался как морально разложившийся бандит, и постсоветским дискурсом ее настоящего, в котором ее отец предстал как достойный почестей герой, партизан и борец за свободу.

Четвертый и последний шаг — *проверка информации* путём сопоставления различных источников. Вы можете провести сравнение между разными интервью или между разными частями одного и того же интервью. Порой бывает очень интересно сравнить то, что люди говорят, рассказывая о конкретном событии, с тем, что они говорят, когда приводят общие аргументы.

В совокупности все эти различные этапы помогают студентам глубже понять истории, которые они слушают, осмыслить их как результат определенных стечений обстоятельств и избежать упрощенного черно-белого восприятия. В конечном счете они получают возможность достигнуть цели, стоящей достижения: научиться терпимо относиться к различным версиям одного и того же прошлого, не теряя способности формировать свои собственные и, хочется надеяться, взвешенные и обдуманнные позиции.

В. Работа в группах

Отрывок из интервью с Бируте, учителем истории из Литвы (6 ноября 2009 года)

"Вы знаете, эта коллега, мы учились вместе. Она приехала из той деревни, где находится тюрьма, из Правенишкяй. И обвенчалась в церкви в Правенишкяй. А потом кто-то пожаловался, и ее уволили как учителя истории. [...] Ну, вы видите, как это было, я имею в виду все эти доносы. Они действительно были. Однако в нашем районе, слава Богу, здесь люди были очень хорошие. Вы знаете, мы покрестили обоих детей, а я и мой муж, мы венчались в церкви. Это невозможно было сделать так, чтобы никто не заметил. Соседи знали, что мы сделали. И священник, знаете, он тоже был очень терпимым. Я заполнила такую бумажку, а он не стал вносить ее в книгу (*приходская метрическая книга, прим. автора*), ну, он сказал, "это неважно", сказал, "может кто-нибудь придет проверить книгу". Так что у меня есть только этот клочок бумаги, знаете, написанный от руки. Может, это и не настоящий документ, но в нашем районе он был действительным. [...] Вы знаете, все боялись, конечно боялись. В нашей школе был директор. Его звали Забараускас. И вот однажды у него умерла мать. Конечно, его мать была верующей, и его отец тоже был верующим. Так было всегда. И тогда все коллеги пошли на похороны. Я была в декретном отпуске, поэтому не пошла с ними. Но они мне потом все рассказали, как они принесли цветы в церковь, знаете, а потом повернулись и вышли из церкви. Но были эти трое, директор школы и его сестры. Его сестры тоже учительницы. Они стояли возле гроба. Они не вышли из церкви. Но был еще этот священник, о Боже. Ну, я не знаю. Боже, когда учителя после этого вернулись в школу, они все дрожали. Мне тоже было страшно. Боже, что сказал им этот священник. Во время молитвы он сказал, что эта бедная женщина родила троих убийц".

Вопросы по контексту: (1) Как вы думаете, каковы были отношения между церковью и государством в советское время? (2) Какое отношение к церкви преобладает в настоящее время в независимой Литве?

Вопросы, на которых следует сосредоточиться при анализе отрывка из интервью: (1) Сколько историй об отношениях государства и церкви в советское время рассказывает нам Бируте? (2) Что на самом деле произошло в каждой из этих историй? Почему священник, крестивший детей Бируте, не сделал запись в приходской метрической книге? Почему учителя дрожали, когда возвращались с похорон? Что имел в виду священник, когда сказал во время похорон, что эта бедная женщина родила убийц? (3) Как эти истории связаны друг с другом? (4) Что эти истории говорят нам об отношении Бируте к церкви и к советской системе? (4) Что эти истории показывают нам об отношении Бируте к дискурсам в постсоветской Литве?